

Бин Б. Д., Перфильев М. Н. Кадры аппарата управления в СССР. Л., 1971. 12. Пахомов И. Н. Виды советских государственных служащих, их права и обязанности. Л., 1965. 13. Петров Г. И. Гражданин и должностное лицо в Советском государстве // Вести. Ленингр. ун-та, 1971. № 23. 14. Петров Ю. А. К понятию должностного лица // Правоведение. 1974. № 6. 15. Петухов Г. Е., Васильев А. С. Понятие должностного лица в советском законодательстве // Правовой науке // Там же. 1980. № 3. 16. Проблемы теории государства и права. М., 1979. 17. Розенбаум Ю. А. К понятию управленческих кадров // Правоведение. 1976. № 6. 18. Розенбаум Ю. А. Формирование управленческих кадров. Социально-правовые проблемы. М., 1982. 19. Светлов А. Я. Борьба с должностными злоупотреблениями. К., 1970. 20. Служащий советского государственного аппарата. М., 1970. 21. Советское административное право: Учебник. М., 1985. 22. Советское административное право / Под ред. Р. С. Павловского. К., 1986. 23. Студеникин С. С. Советская государственная служба // Вопросы сов. административного права. М.; Л., 1949. 24. Теория государства и права: Учебник. Л., 1982. 25. Туманов Г. А. Об основаниях, содержании и перспективах теории государственного управления // Сов. гос-во и право. 1984. № 1. 26. Энциклопедия государства и права. М., 1925. Вып. 2. 27. Бюллетень Госкомтруда. 1972. № 12. 28. Ямпольская Ц. А. О должностном лице в советском государственном аппарате // Вопросы сов. административного права.

Поступила в редколлегию 06.06.87

В. А. ЧЕФРАНОВ, д-р филос. наук

ХАРЬКОВ

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОБРАТНЫХ СВЯЗЕЙ В ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ

Совокупность научных представлений об обратных связях в правовом сознании может рассматриваться как определенная философская (методологическая) предпосылка исследования проблем, связанных с совершенствованием системы правового регулирования общественных отношений. Эти проблемы вытекают из поставленной XXVII съездом КПСС задачи воспитания у советских людей высокой политической сознательности, уважения к законам и правилам социалистического общежития [3, с. 165].

Обратная связь в целом не сводится к простому воздействию общественного сознания на общественное бытие, а представляет собой специфическую разновидность социального отношения, в процессе которого осуществляются контакты и взаимовлияние объекта и субъекта отражения. В связи с тем, что право и правовое сознание в целом относятся к средствам социального саморегулирования (самоуправления), к ним вполне применимы идеи кибернетики, выработавшей наиболее полные представления о принципах саморегулирования и самоуправления. Такие идеи позволяют глубже раскрыть сущность категории обратной связи, которая не исчерпывается ни понятием причинно-следственной связи, ни понятием обратного воздействия, а проявляется как контролирующее (регулирующее) обратное воздействие, обусловленное передачей информации и имеющее своей конечной целью со-

ранение или повышение организованности системы [9, с. 139].

В этом смысле в понятие обратной связи правового сознания ключается не только обычное воздействие последнего на объект волевого отражения, но и определенные внутренние изменения в правовом сознании, в процессе которых происходит совершенствование его как системы управления с целью повышения уровня ее внутренней организованности и целесообразности действий. Однако какие бы аспекты обратной связи ни подвергались анализу, мы с неизбежностью приходим к проблеме обратного воздействия как сущностного выражения данной связи. Именно здесь в наибольшей степени обнаруживается активный характер любой разновидности общественного сознания как социально-деятельностно-го (практического) отношения субъекта к предмету отражения.

Важное методологическое значение для характеристики обратных связей правового сознания имеет историко-материалистическая концепция диалектики материальных и духовных факторов общественного развития. Ф. Энгельс, подвергая острой критике тех идеологов, которые пытались обвинить материалистическую теорию К. Маркса в отрицании возможности воздействия «идеологических областей» на историю, писал: «В основе этого лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих друг другу полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие <...> Историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины» [1, т. 39, с. 84].

Положительно решая вопрос о возможности познания разнообразных связей и отношений материального мира, марксистская философия подчеркивает активное воздействие людей на окружающую их действительность в целях ее преобразования и удовлетворения исторически изменяющихся потребностей человека. «Дело обстоит совсем не так,— писал Ф. Энгельс,— что только экономическое положение является *причиной*, что только оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие» [1, т. 39, с. 175] и, что, хотя материальные условия существования являются первопричиной, это не исключает того, что идеологические области оказывают в свою очередь обратное, но вторичное воздействие на эти материальные условия [1, т. 37, с. 370].

В таком своеобразном превращении идеального в реальное происходит процесс обратного отражения (субъекта в объекте). И это закономерно: человеческие отражения мира не остаются в сфере «чистых» идей, а действуют как цели, которые осуществляются и изменяют действительность, сообразуя ее с человеческими понятиями, а понятия — с действительностью. «В практической идее (в области практики),— подчеркивает В. И. Ленин,— это понятие как действительное (действующее?) противостоит дейст-

вительному <...> мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его» [2, т. 29, с. 194—195].

Правовое сознание — одна из наиболее активно функционирующих разновидностей социального отражения, ибо в нем предметно-деятельностная (социально-практическая) сторона если и не преобладает над познавательной и оценочной функциями, то, по крайней мере, имеет исключительно важное значение. Это в конечном счете связано с его высокой регулятивной ролью, опирающейся на возможность реализации с помощью устанавливаемых государством общеобязательных правил поведения (юридических норм).

Уровень и направление обратного воздействия правового сознания связаны не только с социально-классовой ситуацией, с точностью (адекватностью) воспроизведения в правовом сознании закономерностей функционирования правового объекта, но и с внутренней структурированностью данной разновидности социального отражения.

Если иметь в виду первое обстоятельство (от которого в той или иной степени зависят и все остальные), то следует подчеркнуть более высокую степень воздействия на общественную жизнь идей, взглядов и соответствующих им психологических форм, связанных с деятельностью прогрессивных классов общества, обладающих исторической перспективой и могущих поэтому исходить из объективных тенденций исторического процесса. Применительно к государству Ф. Энгельс подобный случай назвал действием в том же направлении, в каком идет экономическое развитие. В результате развитие общественных отношений «идет быстрее» [1, т. 37, с. 417]. Такая характеристика может быть отнесена прежде всего к правосознанию трудящихся масс, а также, в известной мере, и эксплуататорским классам, когда они в силу своей первоначальной прогрессивности еще могут вести борьбу за уничтожение старых, изживших себя общественных форм.

Однако с утратой классом своей прогрессивности уровень и особенно направление обратного воздействия его правового сознания существенно изменяются, примером чему может служить отказ современной империалистической буржуазии от прогрессивных традиций классического правового сознания. При такой ситуации правовое сознание (подобно государственной власти) может действовать против экономического развития, и так же, как и государственная власть, оно «терпит крах через известный промежуток времени» [1, т. 37, с. 417; 1, т. 6, с. 259—260].

Говоря о зависимости обратного воздействия правового сознания от адекватности отражения общественного бытия в правовых идеях, взглядах, нормах и т. п. [9, с. 49], следует подчеркнуть, что правовое сознание никогда не может быть абсолютно точным и исчерпывающим отражением. Рамки его релятивности могут расширяться или же суживаться, что связано не только с классовыми причинами, но и со степенью зрелости познавательных возможностей общества в целом. Как информационная, так и

ориентировочная, функции правового сознания базируются на знании. Отмечая роль объективно-истинного отражения, П. В. Копнин пишет: «Чем знание объективнее по своему содержанию, тем оно ближе к практической реализации» [6, с. 89].

Если информация, заложенная в правовом сознании, перестает соответствовать потребностям развития общественного бытия, оно утрачивает свою истинность, дальнейшее сохранение такого правового сознания приобретает искусственный характер, а попытки претворить его в действительность оказывают негативное воздействие на ход общественного развития.

В связи с тем, что механизм действия правового сознания связан со второй сигнальной системой, характерным признаком которой является реакция на слово, на смысл последнего, важнейшее значение приобретают четкость и ясность формулировок правовых категорий, в которых заключены те или иные правовые идеи. Четко обозначенная языковая форма существования правового сознания выступает как условие его усвоения людьми и относительно свободного обмена правовой информацией.

Рассмотрение обратного воздействия правового сознания в аспекте его внутренней структуры выявляет существенные различия между его отдельными элементами в смысле интенсивности и форм обратного воздействия.

Каждый из элементов правового сознания выполняет определенную регулятивную функцию. В этом смысле все они в совокупности выступают как звенья единой управляющей системы, регулирующей поведение людей и, таким образом, оказывающих обратное воздействие на развитие общественного бытия.

Однако в наибольшей мере социально-регулятивная функция проявляется в нормах права. Правовое сознание в его нормативном выражении, воплощаясь в строго регламентированных нормах поведения, «которые должны иметь абсолютную силу» [1, т. 1, с. 628], придает деятельности людей определенное направление, способствуя тем самым достижению поставленных целей.

Обратное воздействие права необходимо отличать от правового воздействия. Если последнее представляет собой такую форму обратной связи, в которой участвуют все элементы правового сознания, специфика воздействия правом заключается в общеобязательности исполнения правовых норм. Поэтому можно сказать, что воздействие правом — это высшее проявление правового воздействия [7, с. 177].

Нормы права, будучи практической («объективированной») стороной правового сознания, выступают как его своеобразный активный центр. При этом они обладают особой социально-регулятивной силой. В советской социологической и правовой литературе проблема обратного воздействия правового сознания нередко рассматривается, прежде всего, под углом зрения эффективности правовой нормы. Как верно замечает А. М. Яковлев, для «социологии права важна прежде всего «реальность» права,

т. е. интересна не столько норма «в законе», сколько ее реальное бытие «в жизни» [11].

В процессе практической реализации положений правового сознания, достигаемой с помощью норм права, происходит проверка истинности правовых идей, взглядов, принципов, их адекватности потребностям развития общественного бытия. В. И. Ленин отмечал, что деятельность человека дает возможность разрешить все коллизии процесса познания, ответить на извечный вопрос, стоящий перед человечеством: что такое истина? «Замечательно к «идее» как совпадению понятия с объектом, к идее как *истине*, Гегель подходит *через* практическую, целесообразную деятельность человека» [2, т. 29, с. 173].

Нормы права определяют наиболее вероятное направление реализации всех свойств и сторон правового сознания в целом, обеспечивают реализацию регулятивных потенций каждого из элементов структуры правового сознания в той или иной конкретной ситуации.

Интенсивность регулятивного функционирования правовых норм связана также с высоким уровнем их внутренней организации, что находит свое выражение в строгой упорядоченности правовой нормы, содержащей такие четко обозначенные элементы, как гипотеза, диспозиция, санкция. Правовые нормы, особенно в той части, где они содержат санкцию, представляют собой своеобразные знаковые системы, которые действуют даже в тот момент, когда они не применяются. Они как бы постоянно сигнализируют (предупреждают) о последствиях, наступающих в результате соблюдения либо нарушения требований закона.

Но если нормы права с точки зрения обратного воздействия занимают в системе правового сознания как бы центральное место, то не оформленные в юридическую норму элементы данного сознания имеют в этом отношении более скромные возможности. Сказанное, однако, не означает, что их обратное воздействие на общественное бытие сводится к нулю. Все «ненормативные» элементы правового сознания оказывают свое воздействие на общественное бытие прежде всего опосредованным путем: и правовая идеология, и психология, и теоретические, и обыденные правовые взгляды, и все иные элементы правового сознания оказывают свое воздействие на общественное бытие прежде всего через систему государства и права, в деятельности которых происходит процесс их «опредмечивания» и превращения в непосредственное бытие. Кроме того, каждый из элементов правового сознания опосредуется всеми иными формами этого сознания. В процессе обратного воздействия наиболее проявляются функциональная связь и взаимодействие различных сторон правового сознания, что, однако, не исключает рассмотрения некоторых особенностей, которыми характеризуется каждый из элементов правового сознания с точки зрения его обратного воздействия.

Если в рассматриваемом плане иметь в виду правовую идеологию, то необходимо заметить, что в сравнении с иными видами

«ненормативного» правового отражения ее воздействие на правовую систему, а значит и на общественное бытие, отражаемое в правовом сознании, оказывается наиболее ощутимым. Находясь в отношениях субординации с правовой идеологией, государственно-правовая система выступает как практический проводник не только политических, но и правовых идей.

Правовая идеология задает государственно-правовой системе необходимый тон и «рекомендует» ей наиболее оптимальную линию «поведения» с точки зрения воздействия на объект правового отражения. «Идея показывает субъекту несовершенство объекта и тем самым обосновывает теоретически необходимость его изменения» [6, с. 98], и в этом отношении правовая идеология есть не просто составная часть знания, а звено перехода от знания к практике [12, с. 142].

Значительными возможностями обратного воздействия обладает теоретическая форма правового сознания. Ф. Энгельс в письме к И. Блоху от 21—22 сентября 1890 г., перечисляя факторы, оказывающие влияние на ход исторической борьбы, наряду с государственным строем и правовыми формами, упоминает также о юридических теориях, имея в виду дальнейшее их развитие «в систему догм» [1, т. 37, с. 395].

Влияние правовой науки на общественную жизнь зависит в конечном счете от того, в какой мере ее достижения учитываются в законодательной и законоприменительной практике. Учет научных достижений в правовой практике позволяет достигнуть наибольшего эффекта в воздействии правового сознания на общественное бытие или, иначе, в переходе субъективности в объективность, который осуществляется в процессе реализации правового сознания. «В науке, которая посредует практику и помогает ей, и в практике, которая осуществляет науку, совершается этот переход субъективности в объективность на высшем уровне» [5, с. 53].

Научно-практическое отражение, исходя из тенденции к объективно-истинному отражению, способно привносить в правовое сознание новые моменты, т. е. те, которые не учитываются в правовой идеологии, нормах и иных элементах правосознания. Благодаря этому правовое сознание может претерпевать своеобразные поправки в понимании значения, места и роли социальных явлений, относящихся к правовой действительности.

Обратное воздействие правового сознания осуществляется также и на психологическом уровне отражения. Данная проблема должна рассматриваться прежде всего под углом зрения поведения людей, связанного с функционированием правовой сферы. Чувственное отношение людей к объекту правового отражения может выступать как обстоятельство, стимулирующее ту или иную форму поведения. В зависимости от потребностей, целей, установок социальной группы или отдельной личности такое поведение может характеризоваться как правомерное или противоправное. Формализация требований правового характера не исключает, однако,

конформизма в поведении людей, когда, например, правомерное поведение выступает как средство избежания неудобной, травмирующей ситуации.

Императивный характер правовых норм как четких государственных предписаний выполняет определенную психологическую функцию внушения [8, с. 146], благодаря которой может формироваться социально-правовой рефлекс — известный психологический импульс, ориентирующий и контролирующий поведение человека в рамках требований закона.

Таким образом, социально-правовая психология выполняет определенную служебную роль по отношению к практике. Она подготавливает решения человека о том, как надо практически действовать, способствует формированию регулятивно-управленческой функции его сознания. Через правовую психологию, так же, как и через обыденное правосознание, право как бы самореализовывается.

Реализация права непосредственным образом связана также с проблемой индивидуального правового сознания. Его осуществление зависит прежде всего от деятельности (поведения) человека в правовой сфере. Как правомерное, так и противоправное поведение личности есть проявление вовне ее индивидуального правового сознания.

Отражение правового объекта в сознании индивида порождает в нем «идеальные стремления» или силы, которые служат побуждениями к действию и определяют его направление. «Исполнительская регуляция» направляет и согласует все действия человека в соответствии с сознательно поставленной целью. Эти действия могут дать максимальный эффект лишь в том случае, если они соотносятся с интересами общности. Примат во взаимодействии индивидуального и общественного правосознания принадлежит последнему. Оказывая на личность идеологическое, психологическое и превентивно-воспитательное воздействие, общественное правосознание создает условия для успешного решения намеченных партией задач, связанных с повышением роли человеческого фактора.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Губерман И. Чудеса и трагедии черного ящика. М., 1969. 5. Живкович Л. Теория социального отражения. М., 1969. 6. Колпин П. В. Идея как форма мышления. К., 1963. 7. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. 8. Лукашева Е. А. Социалистическое право и законность. М., 1973. 9. Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972. 10. Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи. М., 1967. 11. Проблемы социологии права. Вильнюс, 1970. Вып. 1. 12. Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1972. 13. Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972.

Поступила в редколлегию 07.07.86